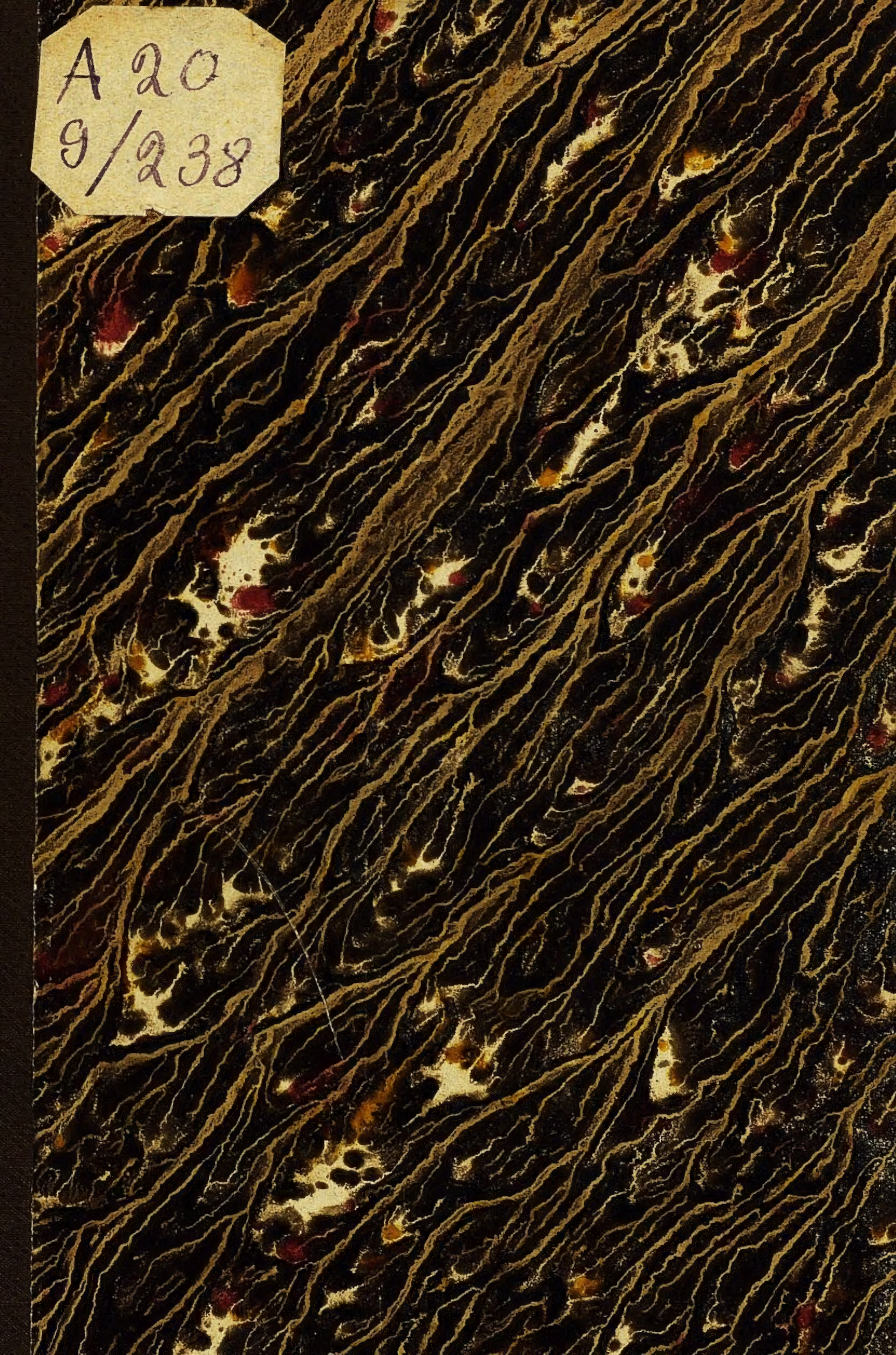
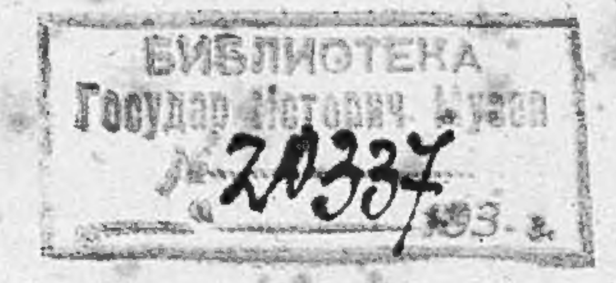

A 20
9/238

Фусс, П. Н.

12-е ЯНВАРЯ 1843 ГОДА.




БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 20337
193 г.



Въ 12-й день Января 1818 года состоялся въ Москвѣ Высочайшій Указъ о назначеніи Президентомъ Императорской Академіи Наукъ нынѣшняго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Сергія Семеновича Уварова.* Совершившееся въ текущемъ году двадцатипятилѣтіе сего важнаго для Академіи событія было праздновано симъ ученымъ сословіемъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, особымъ торжественнымъ (не публичнымъ) засѣданіемъ.

Назначенная изъ среды Академіи депутація, въ сопровожденіи Вице-Президента Академіи Тайнаго Совѣтника Князя М. А. *Дондукова-Корсакова* и Непремѣннаго Секретаря Дѣйств. Ст. Сов. П. Н. *Фуса*, въ 11 часовъ утра собралась въ домѣ Министра Народнаго Просвѣщенія для принесенія Г. Президенту отъ лица Академіи поздравленія и для приглашенія Его Высокопревосходительства къ собранію, назначенному въ 1-мъ часу, въ малой Конференцъ-Залѣ Академіи. Депутація состояла изъ шести Академиковъ, по два изъ каждаго Отдѣленія, а именно: по 1-му, изъ Гг. Академиковъ В. К. *Вишневскаго* и М. В. *Остроградскаго* [1]), по 2-му, изъ Гг. Академиковъ Князя П. А. *Ширинскаго-Шихматова* и П. А. *Плетнева*, и по 3-му, изъ Гг. Академиковъ Ф. И. *Круга* и Х. Д. *Френа*.

Въ половинѣ перваго часа Г. Президентъ прибылъ въ Академію и былъ встрѣченъ тою же депутаціею, въ сопровожденіи коей вступилъ въ залу собранія и принялъ усердныя привѣтствія прочихъ собравшихся Членовъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ на Французскомъ языкѣ „Историческаго взгляда на послѣднее двадцатипятилѣтіе Академіи", составленнаго въ видѣ рѣчи Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи и который мы вслѣдъ за симъ сообщаемъ читателямъ нашимъ въ Русскомъ переводѣ.

---

[1]) М. В. *Остроградскій* заступилъ мѣсто П. А. *Загорскаго*, который за болѣзнію не могъ участвовать въ депутаціи. Кромѣ Гг. *Загорскаго, Вишневскаго, Круга* и *Френа*, всѣ прочіе Члены нынѣшней Академіи Наукъ опредѣлены уже въ бытность С. С. *Уварова* Президентомъ оной.

Милостивые Государи!

Въ жизни обществъ, какъ и въ жизни человѣка, бываютъ минуты отдохновенія, когда чувствуешь необходимую потребность окинуть взорами все прошедшее. Пока движеніе продолжается, ощущенія, быстро смѣняясь, одно другимъ изглаживаются; умъ такъ занятъ, что не можетъ сохранить воспоминанія о нихъ, и только останавливаясь по временамъ, бросая взглядъ на протекшее можно отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, что̀ мы дѣйствительно пріобрѣли. Но, само собою разумѣется, что если бы эти обозрѣнія минувшей жизни возобновлялись слишкомъ часто, они лишились бы бо̀льшей части своей занимательности, и наконецъ остановили бы самые успѣхи. Если бы ученый дѣйствовалъ подобно скупцу, который при каждой частицѣ, прибавленной къ своему достоянію, съ жадностію пересчитываетъ все пріобрѣтенное, онъ не могъ бы подвигаться впередъ и производить былъ бы не въ состояніи. Напротивъ, благоразумно распредѣляя дѣятельность и отдохновеніе, останавливаясь только изрѣдка, можно извлечь изъ этого наслажденіе, ободреніе и даже назиданіе. Торжество, которое мы нынѣ празднуемъ, представляетъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ для того, чтобы обратить ваше вниманіе, Милостивые Государи, на развитіе Академіи въ теченіе послѣдней четверти вѣка ея существованія. При этомъ простомъ обозрѣніи мнѣ предстоитъ только приводить факты, и прежде всего долженъ я сдѣлать легкій очеркъ состоянія Академіи до изданія Высочайшаго Указа 12 Января 1818.

Подобно всѣмъ другимъ учрежденіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Академія участвовала въ быстромъ развитіи умственныхъ силъ Россіи, ознаменовавшемъ первые годы славнаго царствованія блаженной памяти Императора Александра I. Уставъ и штатъ 1803 года придали членамъ ея новое рвеніе. Освободивъ Академію отъ унизительной зависимости, которая тяготѣла надъ нею въ теченіе полувѣка и сковывала ея силы, эти драгоцѣнные памятники мудрости просвѣщеннаго Президента и щедрости Государя, покровителя наукъ, поставили ее сразу на ряду съ другими Европейскими Академіями. Но, къ сожалѣнію, послѣдовавшія за тѣмъ политическія обстоятельства веко-

рѣ оказали пагубное свое влiянiе на воздѣлыванiе наукъ и литературы въ нашемъ отечествѣ. Быстрое пониженiе достоинства ассигнацiй, которыя постепенно дошли до трети нарицательной цѣны своей, поставило всѣхъ служащихъ въ Россiи, исключая и членовъ Академiи, въ положенiе стѣснительное и затруднительное; единственнымъ средствомъ для безбѣднаго существованiя сдѣлалось занятiе нѣсколькихъ мѣстъ въ одно и то же время. Тѣ, которымъ это удалось, не могли исполнять своихъ различныхъ и часто разнородныхъ обязанностей, иначе, какъ во вредъ своей ученой дѣятельности; остальными овладѣло общее уныніе, до такой степени, что Академiя опустѣла и въ ней осталось не болѣе половины полнаго комплекта. Да и въ томъ числѣ были ветераны, которыхъ старческiя немощи лишили всей дѣятельности и которые даже не посѣщали Академическихъ засѣданiй.

Другое обстоятельство, не менѣе пагубное, было сначала отсутствiе Президента, облеченнаго довѣренностью Монарха въ другую, болѣе возвышенную должность, которая удаляла его отъ столицы, а потомъ и увольненiе Президента, котораго мѣсто осталось незанятымъ. Академiя, такимъ образомъ покинутая, съ трудомъ поддерживала славу, которою пользовалась въ чужихъ краяхъ, благодаря нѣсколькимъ знаменитымъ именамъ, украшавшимъ ея списки. Томы ея Трудовъ, по временамъ появлявшiеся, еще содержали въ себѣ нѣкоторыя неизданныя произведенiя безсмертнаго Эйлера, генiя изумительно плодовитаго, котораго ученое наслѣдство, черезъ тридцать лѣтъ послѣ его кончины, казалось еще неистощимымъ. Творенiя сiи, равно какъ произведенiя шести или семи Академиковъ, находившихся еще въ живыхъ, и нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, еще заставляли Европейскихъ ученыхъ прибѣгать къ этому сборнику. Но въ Россiи Академiя была почти безвѣстна; ничтò не приводило ее въ соприкосновенiе съ публикою, ничтò, кромѣ ея Вѣдомостей и Календаря, не напоминало народу о ея существованiи.

Управленiе хозяйственными дѣлами Академiи было ввѣрено рукамъ мало искуснымъ, и хотя двое Академиковъ всегда поочередно присутствовали въ Комитетѣ Правленiя, однако же это не улучшало положенiя дѣлъ, потому что ученые вообще не располо-

жены вполнѣ предаваться этого рода занятіямъ. Не смотря на весьма значительное сбереженіе, которое должна была произвести неполнота комплекта, въ 1817 году касса Академіи была почти истощена, вслѣдствіе построекъ, предпринятыхъ единственно для улучшенія помѣщенія Академиковъ. Обширное зданіе, въ которомъ мы теперь находимся, построенное знаменитымъ Гваренги, въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, заключало въ себѣ только небольшую залу для Академическихъ собраній, помѣщеніе Комитета Правленія, тѣсный Физическій Кабинетъ и нѣсколько квартиръ для низшихъ чиновниковъ. Все остальное, двѣ трети зданія, было необитаемо, потому что еще недостроено, или уже обращалось въ развалины. Первый этажъ, гдѣ нынѣ находится пространное помѣщеніе Физическаго Кабинета и нѣсколько прекрасныхъ квартиръ, былъ весь занятъ магазинами Академическихъ изданій и книжною лавкою. Типографія, которой содержаніе стоило огромныхъ суммъ, съ трудомъ, и то весьма посредственно, удовлетворяла потребностямъ Академіи, не принося никакого дохода. Сокровища, безъ порядка накопленныя въ просторныхъ, но неудобныхъ залахъ прежняго Музеума, были недоступны для любопытныхъ и не приносили никакой пользы наукамъ. Памятники славной эпохи путешествій, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, быстро разрушались; можно даже сказать, что собраніе предметовъ органической природы почти уже не существовало, и старая Кунсткамера, бывшая уже многіе годы единственною точкою соприкосновенія Академіи съ публикою, была наконецъ закрыта, потому что въ глазахъ всѣхъ сдѣлалась предметомъ не любопытства, а смѣха.

При такомъ жалкомъ положеніи вещей назначеніе Президента было предметомъ пламенныхъ желаній всѣхъ тѣхъ, которымъ было дорого благо Академіи и выборъ, сдѣланный высокою мудростію Императора Александра принятъ былъ съ искреннымъ, единодушнымъ одобреніемъ. Двадцать пять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ совершилось это событіе, которое мы по справедливости считаемъ эпохою возрожденія Академіи. Показать какъ совершалось это возрожденіе, постепенно, безъ насильственныхъ переворотовъ, почти нечувствительно, расположить раз-

личные факты въ систематическомъ порядкѣ и начертать картину безъ всякихъ притязаній, кромѣ вѣрности,—такова задача, которую мы предположили себѣ. Не скрываемъ отъ себя ни трудности этого предпріятія, ни недостаточности нашихъ средствъ; но мы полагаемъ, что занимательность предмета вознаградитъ за неудовлетворительность изложенія и что старанія наши дадутъ намъ, можетъ быть, нѣкоторое право на вашу снисходительность.

Начнемъ съ состава Академіи, который нынѣ достигъ почти до полнаго комплекта. Только четверо изъ насъ присутствовали въ первомъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *Сергія Семеновича Уварова*; всѣ прочіе Академики опредѣлены уже имъ. Не намъ исчислять достоинства нашихъ сочленовъ, но мы можемъ сказать съ нѣкоторою гордостію, что въ дѣятельности наше сословіе не уступаетъ ни какому другому, что ученый свѣтъ отдаетъ справедливость трудамъ нашимъ, что мѣсто, добровольно предоставляемое нашей Академіи въ числѣ знаменитѣйшихъ Академій Европы и Америки, не совсѣмъ недостойно того, которое отечество наше занимаетъ въ ряду Европейскихъ державъ, ни средствъ, ежегодно даруемыхъ намъ отъ щедротъ правительства, покровительствующаго просвѣщенію. Такой результатъ могъ быть достигнутъ не иначе, какъ постепенно, медленно; онъ плодъ проницательности и постоянной дѣятельности начальника, соединяющаго съ обширными познаніями независимость чувствованій, которую занятія науками долженствовали бы внушать во всѣхъ классахъ и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. — Въ первые десять лѣтъ его предсѣдательствованія, недостаточность штата не позволяла принять общей мѣры для наполненія вдругъ всѣхъ незанятыхъ мѣстъ въ Академіи. Между тѣмъ нѣсколько новыхъ избраній, произведенныхъ въ это время, сдѣлали болѣе сплошными рѣдкіе ряды наши. Съ самаго вступленія своего въ должность, *Сергій Семеновичъ Уваровъ* оказывалъ живѣйшее участіе естественнымъ наукамъ и принялъ твердое намѣреніе обратить особенную свою заботливость на наши Музеумы. Отличный Ботаникъ, и Зоологъ, юный и дѣятельный, призваны были для исполненія этихъ намѣреній и для вспомоществованія

ему въ столь важномъ предпріятіи. Въ предшествовавшемъ году уже опредѣлены были въ Академію Оріенталистъ и Археологъ. Президентъ-Филологъ естественно долженъ былъ желать, чтобы наука, которою онъ въ особенности занимался, имѣла въ Академіи своего представителя, и назначеніе *Ѳ. Б. Грефе* довершило образованіе новаго класса Исторіи и Филологіи. Особое отдѣленіе предоставлено было этой отрасли знаній въ Трудахъ Академіи и оно открыто, въ седьмомъ томѣ, твореніемъ самого Президента: Examen critique de la fable d'Hercule, commentée par Dupuis.

Въ ожиданіи благопріятной минуты для испрошенія отъ правительства постоянной добавки къ нашему штату, безъ которой очевидно невозможно было придать свободной дѣятельности общему развитію Академіи, въ управленіи хозяйственною частію введена была система благоразумной бережливости. Исходатайствованное Г. Президентомъ, единовременное ассигнованіе двадцати пяти тысячъ рублей, доставило возможность передѣлать за-ново старое зданіе, въ которомъ расположены были Академическія коллекціи. Библіотека и Музеумы Естественной Исторіи, ввѣренные искуснымъ хранителямъ, получили тамъ помѣщеніе просторное и удобное. Идея великая, любимая идея Господина Президента — усвоить Россіи изученіе Востока во всѣхъ разнообразныхъ его направленіяхъ, идея, которую онъ краснорѣчиво развилъ въ Проэктѣ учрежденія Азіятской Академіи, была отчасти осуществлена основаніемъ нашего Азіятскаго Музеума. Сокровища Восточной Нумизматики и письменности, собранныя безъ порядка со времени учрежденія Академіи, были разобраны, расположены въ приличномъ помѣщеніи, приведены въ порядокъ и внесены въ систематическіе каталоги. Значительныя, дорого стоющія покупки, дѣлаемыя то на счетъ правительства, то на счетъ экономическихъ суммъ Академіи, обогащали постепенно это драгоцѣнное собраніе и мало по малу возводили его на ту степень органическаго состоянія, въ которомъ оно находится нынѣ. Кто изъ насъ не знаетъ, съ какимъ рвеніемъ, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ достойный сочленъ нашъ, *Х. Д Френъ* содѣйствовалъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Господина Президента и приводилъ ихъ въ

исполненіе. Собраніе Европейскихъ монетъ, древнихъ и новѣйшихъ, обогащенное около того же времени пріобрѣтеніемъ за пятьдесятъ тысячъ рублей превосходнаго нумизматическаго кабинета, принадлежавшаго покойному Графу *Сухтелену* и увеличенное большимъ количествомъ драгоцѣнныхъ металлическихъ произведеній искусствъ, найденныхъ частію въ Сибирскихъ могилахъ, было ввѣрено, подъ названіемъ Нумизматическаго Кабинета, попеченіямъ *О. Б. Грефе.* Замѣчательные успѣхи, доставленные въ то время познанію Египетскихъ древностей трудами Шамполіона Младшаго, обратили общее вниманіе на этого рода занятія и наша Академія, по примѣру другихъ Европейскихъ Академій, пріобрѣла коллекцію Египетскихъ древностей, конечно, далеко уступающую коллекціи Пассалаквы, находящейся въ Берлинѣ, но между тѣмъ достаточную для поясненія твореній объ этомъ предметѣ и для того, чтобы служить матеріаломъ для ученыхъ, которые пожелали бы заняться дальнѣйшими изысканіями на этомъ занимательномъ и трудномъ поприщѣ. Всѣ сіи преобразованія и учрежденія до такой степени обращали на себя вниманіе Г. Президента, что онъ самъ нерѣдко присутствовалъ при занятіяхъ Академиковъ, такъ что и по нынѣ еще скромная комнатка, которую онъ назначилъ себѣ для этого въ прежнемъ Музеумѣ, называется по преданію *Президентскимъ кабинетомъ.*

Между тѣмъ наступилъ 1826 годъ, въ исходѣ котораго должно было окончиться первое столѣтіе существованія Академіи, годъ, который по торжественному, достойному празднованію этого событія, и по важности послѣдствій онаго для Академіи, останется на всегда достопамятною эпохою въ лѣтописяхъ сего ученаго сословія. Въ Уставѣ 1803 года постановлено было праздновать публичнымъ собраніемъ 25 Іюля, день, въ который Уставъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія; но постановленіе сіе никогда не было исполняемо. Новый Президентъ Академіи еще съ 1818 года нѣсколько разъ настаивалъ на необходимости сообразоваться съ онымъ, но каждый разъ представлялось столько препятствій, что публичное собраніе было отлагаемо съ году на годъ. Важнѣйшимъ и безспорно самымъ непреодолимымъ изъ

этихъ препятствій былъ недостатокъ помѣщенія. Большая зала, которая нынѣ служитъ для подобныхъ собраній, была уже нѣсколько лѣтъ въ развалинахъ и говорили, что погрѣшность въ построеніи дѣлала устройство ея невозможнымъ; къ счастію это опасеніе оказалось неосновательнымъ. Публичное засѣданіе послѣдовало и было, какъ извѣстно, удостоено посѣщеніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Государынь Императрицъ, Александры Ѳеодоровны и Маріи Ѳеодоровны, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Александра Николаевича и Михаила Павловича, и Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Мы не станемъ описывать подробности этого празднества; онѣ извѣстны даже и тѣмъ изъ нашихъ сочленовъ, которые долго спустя послѣ того вступили въ Академію; но постараемся объяснить вліяніе, которое это событіе имѣло на дальнѣйшее развитіе сего ученаго сословія.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ его было сближеніе Академіи съ образованными классами народа. Она пріобрѣла то, чего ей до нынѣ недоставало, нѣкоторую популярность, принимая это слово въ самомъ благородномъ его значеніи; съ тѣхъ поръ ей оставалось только поддерживать и дѣлать болѣе тѣсными узы, связывавшія первое ученое сословіе съ избраннымъ обществомъ. День столѣтняго юбилея, 29 Декабря, былъ, съ Высочайшаго соизволенія, назначенъ для публичныхъ засѣданій, въ которыхъ Академія каждогодно долженствовала публично отдавать отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Впослѣдствіи учрежденіе Демидовскихъ премій еще болѣе способствовало этому сближенію: трудная обязанность возложена была этимъ учрежденіемъ на Академію, но она вознаграждена была за то вліяніемъ, доставленнымъ ей порученіемъ обсуживать произведенія національныхъ писателей и назначать преміи. Ту же цѣль имѣли основаніе ученой газеты, Bulletin Scientifique, и публичныя лекціи, ежегодно читаемыя Академиками, а въ послѣднее время присоединеніе Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, прибавило къ расположенію

которымъ она уже пользовалась, сочувстіе тѣмъ болѣе сильное, что оно истекаетъ изъ любви народа ко всему родному

Другое важное послѣдствіе этого достопамятнаго дня обнаружилось нерѣдкими знаками Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора и Августѣйшихъ членовъ Императорской Фамиліи Академія пріобрѣла поощрительное убѣжденіе, что усилія ея замѣчены и оцѣнены На другой же день послѣ собранія она получила четыре портрета во весь ростъ, украшающіе ея большую залу, портреты, съ которыми связывается воспоминаніе о прекраснѣйшихъ эпохахъ ея существованія. Въ числѣ многочисленныхъ посѣтителей нашего торжественнаго собранія, Вдовствующая Императрица одна присутствовала и при торжествованіи пятидесяти-лѣтняго юбилея Академіи. Это породило мысль, въ память столь рѣдкой благодати Господней, выбить медаль въ честь Императрицѣ, и Депутація Академіи имѣла счастіе поднести ее Августѣйшей Государынѣ 14 Октября 1827, въ день рожденія Ея Величества. Въ этотъ же самый годъ Государю Императору благоугодно было утвердить предварительно новый штатъ, по которому содержаніе Академиковъ увеличено слишкомъ вдвое, и хотя отпускъ суммъ по новому штату начался только съ 1830 года, но одно уже слово Императорское привлекло къ намъ многихъ отличныхъ ученыхъ, которыхъ имена и по нынѣ служатъ украшеніемъ нашихъ списковъ. И не одни только праздныя мѣста были достойнымъ образомъ наполнены; Восточная часть въ особенности была расширена за предѣлы, постановленные штатомъ, потому что кромѣ Магометанскихъ литературъ, Монгольская и Тибетская, а въ послѣдствіи Санскритская, Грузинская и Армянская литературы также пріобрѣли себѣ представителей въ Академіи. Но щедроты Августѣйшаго нашего Монарха этимъ не ограничились. Въ томъ же самомъ году богатыя коллекціи, собранныя во время путешествій Русскихъ моряковъ вокругъ свѣта и хранившіяся въ Адмиралтействѣ, были присоединены къ Музеуму Академіи, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе передавать въ Академію всѣ любопытные предметы, привозимые Русскими мореходцами, за исключеніемъ только такихъ, которые касаются собствен-

но до морской части. Въ 1828 году наша коллекція Восточныхъ монетъ была обогащена полнымъ и драгоцѣннымъ собраніемъ замѣчательнѣйшихъ монетъ, взятыхъ изъ суммъ, уплаченныхъ Россіи Персіею. 1829 годъ ознаменованъ былъ дарованіемъ Академіи многихъ правъ и преимуществъ, изъ которыхъ одни облегчали наши ученыя сношенія съ иностранными государствами, другіе открывали новые источники пріобрѣтеній для нашей Библіотеки и нашихъ Музеумовъ, третьи наконецъ обезпечивали судьбу Академиковъ, ихъ вдовъ и сиротъ. Нашимъ Физикамъ и Химикамъ понадобилась для производства опытовъ платина, и тотчасъ въ распоряженіе ихъ было предоставлено полпуда этого драгоцѣннаго металла. Въ слѣдующемъ году (1830) Нумизматическій Музеумъ нашъ былъ обогащенъ, по Высочайшему повелѣнію, полнымъ собраніемъ Русскихъ медалей въ серебряныхъ экземплярахъ, а Минералогическій Музеумъ, прекрасною коллекцію штуфовъ, которая была составлена, съ огромными издержками, нашимъ Министромъ-Резидентомъ въ Гамбургѣ, Г. *Струве*, и которую правительство пріобрѣло за пятьдесятъ тысячъ рублей. 1833 годъ принесъ Азіятскому Музеуму любопытное собраніе произведеній Китайскихъ искусствъ и мануфактурной промышлености, составленное въ Пекинѣ Полковникомъ Ладыженскимъ, и пріобрѣтенное правительствомъ за двадцать восемь тысячъ рублей. Тотъ же годъ ознаменовался назначеніемъ нашего Президента для управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и вскорѣ потомъ учрежденіемъ Главной Астрономической Обсерваторіи, сего безсмертнаго памятника Царствованія Императора Николая I, Обсерваторіи, которая по зрѣло обдуманному и превосходно исполненному плану и по замѣчательнымъ плодамъ, которые она уже принесла Наукѣ, по справедливости возбуждаетъ удивленіе и зависть Астрономовъ всего міра. Постройка сего великолѣпнаго зданія и пріобрѣтеніе превосходныхъ инструментовъ, которыми оно снабжено, стоили правительству безъ малаго два милліона рублей, а содержаніе заведенія обходится ежегодно слишкомъ въ шестьдесятъ тысячъ рублей. — Два богатыхъ собранія рѣдкихъ и любопытныхъ произведеній литературъ центральной Азіи, изъ коихъ одно составлено было, съ огромными издержками, для Во-

сточнаго факультета, который предполагали учредить при С. Петербургскомъ Университетѣ, а другое куплено за сорокъ тысячъ рублей у наслѣдниковъ Барона Шиллинга фонъ Капштадта, были въ 1835 и 1839 годахъ присоединены къ нашему Азіятскому Музеуму, такъ что и тамъ тоже не только литературы Магометанскія, но Китай и Японія, Монголія, Тибетъ и Индія имѣютъ достойныхъ представителей. Наконецъ въ 1835 году Уставъ и Штатъ Академіи были снова пересмотрѣны, приспособлены къ потребностямъ и нынѣшнему состоянію этого ученаго сословія и 8 Января слѣдующаго года удостоены Высочайшаго утвержденія. На содержаніе Академіи ассигновано по этому штату 241,800 рублей, считая въ томъ числѣ 62,000 рублей, назначенныя собственно на Музеумы, которыхъ прежній штатъ (простиравшійся только до 14,000 р.) признанъ былъ недостаточнымъ.

Это исчисленіе Высочайшихъ милостей, которыми Академія была осчастливлена въ годы, послѣдовавшіе за празднованіемъ ея столѣтняго юбилея, далеко не полно. Мы должны были ограничиться фактами самыми важными, умолчавъ о многихъ другихъ, столь же ясно доказывающихъ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора къ усиліямъ Академіи вообще и каждаго изъ ея членовъ въ особенности. Спѣшимъ перейти къ изложенію трудовъ, которыми мы старались заслужить всѣ эти милости. Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ не о кабинетныхъ занятіяхъ Академиковъ: эти труды составляютъ предметъ нашихъ ежегодныхъ отчетовъ; при томъ простое исчисленіе ихъ въ теченіе періода, о которомъ мы говоримъ, было бы и утомительно, и заняло бы времени болѣе того, какимъ мы можемъ располагать. Возвратимся лучше къ дальнѣйшему устройству нашихъ ученыхъ учрежденій и приведемъ себѣ на память поощреніе и вспомоществованіе, какія всегда встрѣчали усилія, клонящіеся къ пополненію ввѣренныхъ намъ сокровищъ и къ извлеченію изъ нихъ всей возможной пользы.

Уже въ 1825 году Академіи было объявлено, по Высочайшему повелѣнію, что самое восточное и самое старинное изъ трехъ зданій, которыми она владѣетъ въ этой части города, должно

быть разломано для того, чтобы на мѣстѣ его соорудить строеніе болѣе изящной Архитектуры. Домъ сей, выстроенный болѣе ста лѣтъ назадъ для вдовствующей Царицы Прасковіи Ѳеодоровны, супруги Царя Іоанна Алексѣевича, по кончинѣ Царицы, послѣдовавшей до окончанія зданія (въ 1723 году) былъ пожалованъ Академіи и тамъ происходили первыя ея засѣданія, и частныя, и публичныя. Въ 1825 году, первый этажъ этого дома былъ занятъ типографіею и принадлежащими къ ней мастерскими, во второмъ помѣщались Астрономы. Когда Академія лишилась этого дома, блаженной памяти Императоръ Александръ Павловичъ, для вознагражденія ея за то, Высочайше повелѣть соизволилъ, соорудить на казенный счетъ обширное строеніе, составляющее нынѣ три бока четыреугольника, граничащаго съ одной стороны съ набережною Невы, съ другой съ площадью Двѣнадцати Коллегій, съ третьей съ площадью Биржевою и зданіемъ прежняго Музеума (Кунсткамеры). Сверхъ того Высочайше повелѣно было отпускать ежегодно Академіи 28,000 рублей на наемъ помѣщенія для типографіи, во все время, пока постройка будетъ продолжаться.

По окончаніи этого зданія признано было, что всего лучше расположить въ немъ коллекціи предметовъ Естественной Исторіи и Азіятскій Музеумъ, и тогда экономическимъ суммамъ, накопленнымъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, дано было приличное и достойное назначеніе. Кромѣ богатыхъ даровъ, полученныхъ Академіею отъ щедротъ Государя Императора, Музеумы наши были увеличены весьма значительными покупками. Такъ напримѣръ, Академія пріобрѣла знаменитые гербаріи Графа *Разумовскаго*, хранившіеся въ его помѣстьи «Горенки», гербаріи *Гофмана* въ Москвѣ, *Зибера* въ Прагѣ, богатое ученое наслѣдіе *Маршала Биберштейна*, энтомологическій кабинетъ *Гуммеля*, и проч. и проч. Дѣятельное рвеніе Директоровъ, ихъ обширная корреспонденція и многочисленные обмѣны, которые они производили и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, искусство хранителей и препараторовъ, но въ особенности постоянное участіе, которое Г. Президентъ выказывалъ при каждомъ случаѣ, удовольствіе, которое доставлялъ ему каждый новый успѣхъ,

и щедрость, съ которою онъ поощрялъ каждое добросовѣстное усиліе, были причиною быстраго развитія и преуспѣянія этихъ заведеній. Мебели и другія принадлежности, не роскошныя, но соотвѣтствующія красотѣ помѣщенія и достоинству перваго въ Имперіи ученаго сословія, довершили благопріятное впечатлѣніе, производимое нынѣ зрѣлищемъ нашихъ Музеумовъ, и мы, уже не краснѣя, но съ гордостію можемъ показывать ихъ иностранцамъ, даже и тѣмъ, которые видѣли превосходные Музеумы Парижскіе и Берлинскіе. Школа препараторовъ, учрежденная при Зоологическомъ Музеумѣ, ускоряетъ успѣхи этого заведенія и сверхъ того можетъ доставлять искусныхъ работниковъ Русскимъ Университетамъ. Обильная Зоотомическая коллекція, составляющая часть нашего Музеума, должна быть почитаема плодомъ, который принесла уже эта школа. Справедливость требуетъ, чтобы мы при этомъ случаѣ наименовали того, чей систематическій умъ, чья достойная подражанія ревность, чье неизмѣнное постоянство довели въ короткое время Зоологическій Музеумъ до той полноты, до того цвѣтущаго состоянія, въ которыхъ видимъ мы его нынче, и, конечно, для осуществленія великихъ намѣреній Г. Президента невозможно было найти исполнителя болѣе искуснаго и болѣе добросовѣстнаго, чѣмъ нашъ сотоварищъ *Ѳ. Ѳ. Брандтъ.*

Физическій Кабинетъ, который нѣкогда весь заключался въ тѣсныхъ стѣнахъ этой залы, и въ теченіи тридцати лѣтъ нисколько не пріумножался, получилъ помѣщеніе просторное и удобное для производства опытовъ; сверхъ того онъ вдругъ извлеченъ былъ изъ своего неподвижнаго состоянія назначеніемъ на этотъ предметъ двадцати пяти тысячъ рублей. Опредѣленіе въ Академію Химика, молодаго и дѣятельнаго, сдѣлало необходимымъ имѣть Лабораторію, которая и была немедленно заведена. На уединенномъ мѣстѣ, дарованномъ отъ правительства, построенъ былъ небольшой домъ для наблюденія дѣйствій земнаго магнетизма и снабженъ превосходными инструментами. Наконецъ учрежденіе механической мастерской, ввѣренной отличному Механику, доставило нашимъ Академикамъ всѣ желаемыя удобства и избавило ихъ отъ зависимости отъ иностранныхъ мастеровъ,

которые имѣютъ обычай отправлять въ Россію самыя неудачныя свои произведенія. Даже старая Обсерваторія, за нѣсколько лѣтъ до основанія Главной Астрономической Обсерваторіи, была обогащена прекраснымъ меридіаннымъ кругомъ, вышедшимъ изъ знаменитыхъ Мюнхенскихъ мастерскихъ. Это заведеніе, оба отдѣленія Библіотеки, Нумизматическій и Египетскій Музеумы одни занимаютъ теперь прежнее помѣщеніе всего Музеума, почему для Библіотеки можно было отвести нѣсколько теплыхъ комнатъ, удобныхъ для занятій Библіотекарей и для пріема постороннихъ лицъ, которые бы желали воспользоваться сокровищами этого богатаго собранія.

Типографія — заведеніе необходимое при каждой Академіи Наукъ, потому что оно служитъ къ распространенію идей и открытій, родившихся и обдуманныхъ въ тишинѣ кабинета — была удобно расположена въ нанятомъ домѣ, по близости Академическихъ зданій, и въ самое то время, когда долженъ былъ прекратиться отпускъ жалованной на наемъ суммы, этотъ домъ объявленъ былъ въ продажу. Его рѣшились купить, во-первыхъ, потому что новый домъ, въ который предполагалось перевести типографію, получилъ уже другое назначеніе, и во-вторыхъ, для того, чтобы избѣжать дорого стоющей перевозки обширныхъ мастерскихъ, составляющихъ это заведеніе. Такимъ образомъ мѣра сія была, можно сказать, вынуждена обстоятельствами, но Академія не имѣла причины въ томъ раскаяваться. Обращая на себя не менѣе другихъ Академическихъ заведеній просвѣщенную заботливость Г. Президента, наша типографія (самая древняя въ Петербургѣ, за исключеніемъ только Сенатской) не оставалась чуждою улучшеній, сдѣланныхъ въ послѣднее время по этой части, и тщательныя ея произведенія вполнѣ соотвѣтствуютъ самому взыскательному вкусу нашего времени. Неоднократно обогащенная новыми шрифтами Европейскими, она рѣшительно превосходитъ всѣ другія столичныя типографіи обиліемъ Восточныхъ шрифтовъ. Въ нашей типографіи уже печатались книги Еврейскія, Арабскія, Турецкія и Персидскія, Монгольскія, Калмыцкія и Тибетскія, Грузинскія и Армянскія, а нынѣ она въ скоромъ времени получитъ матрицы и пунсоны красиваго Санскритскаго

шрифта. Четыре механическихъ стана, сдѣланныхъ на извѣстной фабрикѣ *Кёнига* и *Бауера* близъ Вюрцбурга, въ Баваріи, движимые паровою машиною въ четыре силы, постоянно заняты печатаніемъ изданій, выходящихъ въ большомъ числѣ экземпляровъ, какъ то, газетъ, календарей, учебныхъ книгъ и проч. Для изданій, которыя требуютъ тщательнаго печатанія, употребляются чугунные ручные станки, превосходной работы. При этомъ заведеніи находятся также искусный рѣщикъ пунсоновъ и обширная словолитня, и нынѣ оно не только удовлетворяетъ многочисленныя и безпрерывно возрастающія потребности Академіи, но вполнѣ покрываетъ издержки своего содержанія. Прежняя типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія была присоединена, въ 1833 году, къ нашей, по условію, выгодному для обѣихъ сторонъ, а въ послѣднее время пріобрѣтеніе типографіи бывшей Россійской Академіи довело нашу до полноты, какою могутъ похвалиться, конечно, не многія заведенія подобнаго рода.

Въ такое время, когда число образованныхъ людей въ Россіи было весьма ограничено, а средства добывать литературныя произведенія иностранныхъ земель, дороги и затруднительны, Академіи предлежало нѣкоторымъ образомъ сдѣлаться посредницею между умственными потребностями Русскихъ и центромъ Европейскаго просвѣщенія. Такую цѣль имѣла книжная лавка, которая состояла нѣкогда при Академіи. Но, кромѣ того, что цѣль достигалась этимъ средствомъ весьма несовершенно, постепенное учрежденіе частными людьми множества книжныхъ лавокъ сдѣлало наконецъ это заведеніе столь же безполезнымъ для публики, какъ оно было обременительно для Академіи. Оно замѣнено въ 1832 году назначеніемъ Коммиссіонера изъ числа самыхъ надежныхъ торговыхъ домовъ въ Лейпцигѣ, центрѣ Германской книжной торговли, и эта благоразумная мѣра не только значительно увеличила сбытъ нашихъ изданій въ чужихъ краяхъ, но доставила намъ возможность пріобрѣтать иностранныя творенія, особенно Нѣмецкія, по цѣнамъ весьма выгоднымъ и вообще, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ правительства, облегчила наши ученыя сношенія съ остальными частями Европы.

Одно изъ важнѣйшихъ назначеній Императорской Академіи Наукъ, которое уже Петръ Великій имѣлъ въ виду, когда начертывалъ первый Уставъ этого ученаго учрежденія, и котораго высокая важность была въ особенности вполнѣ оцѣнена Екатериною II,—есть обязанность отправлять по временамъ путешественниковъ для изслѣдованія самыхъ отдаленныхъ, наименѣе извѣстныхъ краевъ нашей обширной Имперіи. Всѣмъ извѣстно, какую славу пріобрѣла она большими путешествіями Палласа, Гмелина, Гильденштедта, Фалька, Георги, и даже въ то время когда надъ нею тяготѣло глубокое забвеніе, осуждавшее ее на невольную бездѣйственность, Академія была еще сильна воспоминаніемъ объ этихъ путешествіяхъ: казалось, что страница столь блестящая въ лѣтописяхъ этого учрежденія долженствовала навсегда упрочить его существованіе и обѣщала ему благоденствіе въ будущемъ. Такова, если не ошибаюсь, была мысль нашего Президента, когда онъ, почти при самомъ вступленіи своемъ въ должность, принялъ намѣреніе издать описаніе этихъ старинныхъ путешествій на Русскомъ языкѣ, въ ожиданіи, чтобы благопріятнѣйшія обстоятельства позволили Академіи присовокупить новыя лавры къ славѣ, которою она покрылась нѣкогда на этомъ поприщѣ. Обстоятельства сіи, какъ извѣстно, вскорѣ наступили, и если Академіи не удалось еще осуществить обширный планъ, который уже съ давняго времени замыслилъ Г. Президентъ, то по крайней мѣрѣ двадцатипятилѣтіе его управленія ознаменовано многими отдѣльными учеными экспедиціями, которыя разлили новый свѣтъ на Географію, физическое строеніе и естественныя произведенія, на Исторію, древности и производительныя силы нашего отечества и другихъ странъ. Чтобы доказать это, надобно только упомянуть о путешествіяхъ вокругъ свѣта *Тарханова*, *Мертенса* и Гг. *Ленца*, *Киттлица* и *Постельса*; о путешествіи Г. *Лангсдорфа* по провинціямъ Южной Америки; объ экспедиціи на Кавказъ, восхожденіи на Эльбрусъ и измѣреніи высоты его; обозрѣніи западныхъ береговъ Каспійскаго моря Гг. *Купферомъ*, *Ленцомъ*, *Мейеромъ* и *Менетріе*; о поѣздкѣ въ Китай и семимѣсячномъ пребываніи въ Пекинѣ Гг. *Фуса* Младшаго и *Бунге*; о географическомъ путеше-

ствіи перваго изъ этихъ ученыхъ по Юго-Восточной Сибири и новомъ обозрѣніи Алтая вторымъ; о тригонометрической нивелировкѣ широкаго перешейка, отдѣляющаго Черное море отъ Каспійскаго, произведенной Гг. *Фусомъ Младшимъ*, *Заблеромъ* и *Савичемъ*, для опредѣленія разности уровня этихъ двухъ морей и для повѣрки такимъ образомъ основанія, на которое опираются многія ипотезы, придуманныя для объясненія одного изъ самыхъ поразительныхъ геологическихъ фактовъ; о геогностическомъ путешествіи Г. *Пандера* въ полуденныя провинціи Россіи; о двухъ отважныхъ экспедиціяхъ Гг. *Бэра*, *Циволки*, *Лемана* и *Миддендорфа* въ Новую Землю и полярныя страны Лапландіи; о путешествіи Гг. *Рупрехта* и *Савельева* на Канинъ Носъ; потомъ объ Археографической экспедиціи Гг. *Строева* и *Бередникова*, произведенной въ теченіе шести лѣтъ на счетъ Академіи и доставившей нашей Исторіи неоцѣненные матеріалы, которыхъ редакціею и изданіемъ занимается Археографическая Коммиссія и которыхъ разработка предоставлена нашимъ Историкамъ; объ Археологическомъ путешествіи *Кёлера* въ Крымъ; о поѣздкѣ Г. *Шёгрена* на Кавказъ для изслѣдованій по части Этнографіи и Сравнительной Лингвистики; наконецъ о Статистическихъ изысканіяхъ Г. *Кеппена* въ южныхъ и центральныхъ губерніяхъ. — Къ этому уже довольно длинному списку можно было бы еще присовокупить Геологическія изслѣдованія, произведенныя Г. *Парротомъ* на Буртнекскомъ озерѣ въ Лифляндіи; двѣ Геогностическія поѣздки въ Финляндію и Лапландію Г. *Бётлинка*, столь преждевременно похищеннаго у наукъ смертію; магнетическое путешествіе Г. *Купфера* въ Сибирь до Нерчинска; неоднократныя Геогностическія поѣздки Г. *Гельмерсена* по разнымъ губерніямъ Европейской Россіи; изслѣдованіе Сѣверо-Западныхъ береговъ Америки и Архипелаговъ Тихаго Океана въ отношеніи къ ихъ естественнымъ произведеніямъ, совершенное Г. *Вознесенскимъ*, отличнымъ воспитанникомъ нашей школы препараторовъ и наконецъ дѣятельное участіе, которое Академія принимала въ путешествіяхъ Г. *Нордмана* на Кавказъ, Г. *Федорова* въ Сибирь и въ трудахъ нашихъ искусныхъ моряковъ, предпринимавшихъ дальнія плаванія, Гг. *Ку-*

пріянова, *Этолина*, *Рейнеке*, *Шанца* и проч., нашихъ миссіонеровъ въ Китаѣ и другихъ путешественниковъ, которые получали отъ насъ инструкціи, или превосходные инструменты для всякаго рода наблюденій.

Вы, конечно, замѣтили, Милостивые Государи, что съ одной стороны обиліе предмета, съ другой желаніе не переходить за предѣлы Академической рѣчи, заставили меня ограничиться простымъ исчисленіемъ фактовъ. Намѣреніе мое было сдѣлать только очеркъ, который могъ бы послужить канвою для будущаго Историка Академіи; но и этого несовершеннаго очерка достаточно для цѣли, которую я предположилъ себѣ. Представляя картину длиннаго ряда успѣховъ, онъ ясно выказываетъ разность между состояніемъ Академіи нынѣ и двадцать пять лѣтъ назадъ. А эти успѣхи, это благосостояніе, кому обязаны мы ими, если не вамъ, Господинъ Президентъ!

Счастливымъ почитаю себя, что могу быть истолкователемъ чувствованій моихъ товарищей и выразить предъ вами общую нашу признательность и преданность, на которыя ваше отличное управленіе даетъ вамъ права, самыя неоспоримыя. Еще задолго до возложенія на васъ званія Президента, Академія избрала васъ въ свои Почетные Члены, изъ уваженія къ вашимъ блестящимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ и литературы, успѣхамъ, которые въ другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, доставили бы вамъ академическія кресла. Многіе изъ насъ еще вспоминаютъ съ гордостію то время, когда одна изъ первыхъ Академій въ мірѣ, и безспорно та, которой одобренія наиболѣе ищутъ, Французскій Институтъ, принялъ васъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, въ число своихъ иностранныхъ общниковъ, на мѣсто знаменитаго Князя Примаса Рейнской Конфедераціи и устранивъ двухъ знаменитыхъ совмѣстниковъ, *Герена* и *Сестини*. Изъ двѣнадцати Президентовъ Академіи, вы одни могли съ честію носить званіе ученаго и помѣщали въ собраніи Трудовъ нашихъ произведенія высокаго ученаго достоинства; и между тѣмъ, хотя вы въ особенности предавались занятіямъ одною отраслію человѣческихъ знаній, нико-

гда ни малѣйшее пристрастіе не имѣло вліянія на дѣйствія ваши въ отношеніи къ представителямъ другихъ наукъ, вамъ менѣе извѣстныхъ. Высокое положеніе, доставляемое вамъ вашими качествами и общественными связями, довѣренность Монарха, которою вы имѣете счастіе пользоваться, конечно, много способствовали достиженію счастливыхъ результатовъ, о которыхъ мы говорили; но мы убѣждены, что всего болѣе возвысило Академію и придало ей чувство собственнаго достоинства — нравственное вліяніе, которое вы всегда имѣли на это ученое сословіе, довѣренность, которую вы оказывали ему во всѣхъ случаяхъ, благородный образъ воззрѣнія на ваши сношенія съ обществомъ, въ которомъ вы предсѣдательствуете, сила, съ которою вы всегда защищали его права и преимущества, уваженіе, которое вы всегда оказывали къ свободѣ Академическихъ совѣщаній. Кто изъ насъ забудетъ когда либо трогательныя доказательства привязанности, которыми вы почтили насъ, когда Государю Императору благоугодно было облечь васъ въ высокое званіе, уже десять лѣтъ вами носимое, и когда новыя и важныя обязанности сего званія потребовали всего вашего вниманія и, противъ воли вашей [1]), не оставили вамъ болѣе времени для

---

[1]) Вотъ письмо Г. Президента къ Непремѣнному Секретарю отъ 29 Марта 1833 года за № 104. „Милостивой Государь мой, Павелъ Николаевичь. Будучи обязанъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, коего засѣданія всегда назначаются по Понедѣльникамъ, между тѣмъ какъ сей же день Регламентомъ Академіи Наукъ опредѣленъ для Конференціи оной, и потому лишаясь удовольствія видѣть себя въ средѣ ея членовъ, я прошу васъ, Милостивой Государь мой, отъ имени моего предложить Конференціи: не заблагоразсудитъ ли она по вышеозначенному уваженію, установленный для ея собраній день перемѣнить на другой удобнѣйшій. Я увѣряюсь, что таковое предложеніе Гг. Сочлены мои по Академіи, примутъ не иначе какъ за искреннее, душевное мое желаніе непосредственно участвовать въ ея сужденіяхъ и трудахъ, равно какъ и способствовать общеполезной ихъ цѣли. Удобнѣйшимъ для предлагаемыхъ собраній днемъ я доселѣ могу признать Среду или Четвергъ. — Въ ожиданіи отзыва о послѣдующемъ, имѣю честь быть, и проч" Это письмо было прочтено въ тотъ же день въ чрезвычайномъ засѣданіи и обыкновенныя собранія назначены въ Среду, день, въ который они и по нынѣ происходятъ.

занятія дѣлами Академіи: тогда вы назначили вмѣсто себя мужа испытаннаго, достойнаго дружбы, которую вы къ нему питаете, мужа, который ревностнымъ исполненіемъ вашихъ намѣреній, административными своими талантами и благородствомъ своихъ чувствованій, съ давняго времени уже пріобрѣлъ искреннее уваженіе и признательность всѣхъ насъ вообще и каждаго въ особенности. Примите же, Господинъ Президентъ, изъявленіе благодарности, которую изъ глубины души приношу вамъ отъ имени всѣхъ моихъ товарищей и да сохранитъ Божественное Провидѣніе дни ваши еще на долго, для блага отечества, для славы Академіи, которая гордится тѣмъ, что имѣетъ счастіе состоять подъ вашимъ начальствомъ!

По окончаніи сей рѣчи, Вице-Президентъ поднесъ Г. Президенту золотую медаль, вырѣзанную и выбитую въ честь сего торжества и изображающую на лицевой сторонѣ портретъ Г. Президента съ надписью, вверху: Sergius Ouvaroff, а внизу Praesidi suo per XXV Annos felix Academia D. XII. Januarii A. MDCCCXLIII [2]).

На оборотѣ же находится въ лавровомъ вѣнкѣ слѣдующая надпись:

CLARUS
INGENIO ET DOCTRINA
PATRIO SERMONE ELOQUENS
GRAECE DOCTUS ET LATINE
ET HAS ET ORIENTIS LITERAS
ROSSICAE
ANTIQUITATIS DISQUISITIONEM
NATURAE COELI TERRAEQ. STUDIUM
AUT PRIMUS IN ROSSIA AUT UT NEMO ANTE
AUCTORITATE SUA
FELICITER EXCITAVIT
FERMITER MUNIVIT
SAPIENTER REXIT [3]).

---

2) Президенту своему въ теченіе 25-ти лѣтъ счастливая Академія Января 12-го дня 1843 года.

3) Прославившійся умомъ и ученостію, краснорѣчивый на отечественномъ языкѣ, изучившій Греческій и Латинскій, Онъ, своими распоряженія-

За симъ Директоръ Главной Обсерваторіи, Ординарный Академикъ В. Я. *Струве*, поднесъ Г. Президенту изданный имъ и посвященный Его Высокопревосходительству Каталогъ вновь открытыхъ на сѣверномъ небесномъ полушаріи сложныхъ звѣздъ, подъ заглавіемъ: Catalogue de 514 étoiles doubles et multiples découvertes sur l'hémisphère céleste boréal par la grande lunette de l'Observatoire central de Poulkova et Catalogue de 256 étoiles doubles principales où la distance des composantes est de 32″ à 2′ et qui se trouvent sur l'hémisphère boréal. До поднесенія, Г. *Струве* прочелъ краткую записку о семъ важномъ трудѣ и главныхъ численныхъ результатахъ его.

Экстраординарный Академикъ Б. С. *Якоби* изустно объявилъ собранію, что послѣ многихъ опытовъ, наконецъ удалось ему открыть способъ гальваническаго осажденія серебра въ сплошномъ и химически чистомъ видѣ и представилъ Г. Президенту образецъ таковаго серебра въ видѣ четыреугольной доски, длиною въ 13 д. шириною въ 9 д. и вѣсомъ въ 3 ф. 26 з., на свѣтлой сторонѣ коей выпуклыми литерами изображена слѣдующая надпись:

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ УВАРОВУ

въ день

совершившагося двадцатипятилѣтія бытности Его Высокопревосходительства

Президентомъ Императорской Академіи Наукъ

12-го Января 1843 года

приносятъ усерднѣйшее поздравленіе

Вице-Президентъ Академіи Кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ

и Члены:

(Слѣдуютъ имена ихъ въ трехъ столбцахъ, по Отдѣленіямъ).

Внизу доски мелкимъ шрифтомъ помѣщены слова: *Изъ гальванически осажденнаго серебра трудами Академика Якоби.*

ви, частію первый въ Россіи, частію какъ никто до него, Классическую и Восточную Словесность, изслѣдованіе отечественной древности, изученіе естествовѣдѣнія и Астрономіи счастливо возбудилъ, твердо упрочилъ, благоразумно направилъ

Надпись окружена изящною, выпуклою же бордюрою и доска снабжена двумя серебряными кольцами, для повѣшенія на стѣнѣ.

Ординарный Академикъ Ѳ. Б. *Грефе* прочелъ на Латинскомъ языкѣ разсужденіе *О взаимной связи между языками Индо-Европейскими*, и поднесъ за тѣмъ Г. Президенту напечатанное и посвященное имени Его Высокопревосходительства сочиненіе подъ заглавіемъ: Die Einheit der Sanscrit-Declination mit der griechischen und lateinischen, aus dem Gesichtspunct der classichen Philologie dargestellt.

Ординарные Академики П. Н. *Фусъ* и Я. И. *Шмидтъ* равнымъ образомъ представили Г. Президенту изданныя ими, украшенныя именемъ Его Высокопревосходительства и посвященныя памяти о семъ счастливомъ днѣ книги, первый: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres Géomètres du 18-ème siècle, précédée d'une notice sur les travaux de L. Euler tant imprimés qu'inédits, (2 тома) in 8-vo, а второй: *Тибетско-Русскій Словарь съ присовокупленіемъ алфавитнаго списка*, in 4-to.

Экстраординарный Академикъ А. М. *Шёгренъ* представилъ Г. Президенту выписанный имъ изъ Швеціи снимокъ съ найденнаго тамъ замѣчательнаго Брактаста, описаннаго Копенгагенскимъ Ученымъ Финомъ Магнусеномъ въ книгѣ его о Руническихъ письменахъ, и въ надписи коего, смѣшанной изъ Руническихъ и Славяно-Кириловскихъ письменъ, Г. *Шёгренъ* открылъ любопытный и неизвѣстный дотолѣ фактъ Россійской Исторіи, относящійся къ царствованію Великаго Князя Игоря Рюриковича (см. книгу его Bericht über das Werk Finn Magnusens: Runamo og Runerne стр. 102 и слѣд.)

Ординарные Академики Ѳ. Б. *Грефе* и П. Н. *Фусъ* поднесли Г. Президенту экземпляръ изданнаго ими съ дозволенія Его Высокопревосходительства Полнаго Собранія собственныхъ его Филологическихъ сочиненій подъ скромнымъ заглавіемъ, даннымъ самимъ Г. сочинителемъ: Etudes de Philologie et de Critique. При семъ случаѣ каждый изъ присутствовавшихъ Членовъ удостоился получить изъ рукъ самаго Г. сочинителя по экземпляру сей книги.

Г. Президентъ благодарилъ Членовъ Академіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я не нахожу словъ, Милостивые Государи, чтобы выразить сколь я тронутъ этимъ неожиданнымъ, лестнымъ для меня привѣтствіемъ. Взаимныя отношенія между Академіею и мною, продолжавшіяся четверть столѣтія, неразрывно укрѣпили нашъ союзъ, направили нашу дѣятельность къ общей цѣли и, смѣю сказать, утвердили Академію на той степени которая принадлежитъ первому ученому сословію Государства Россійскаго. Возведеніе Академіи въ наше время на эту степень должно отнести прежде всего къ незабвенной памяти въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, потомъ къ просвѣщенному, неусыпному, щедрому покровительству благополучно царствующаго Государя Императора. Подъ созвѣздіемъ сей именитой Четы, Академія шла твердымъ шагомъ къ своему усовершенствованію. Да будутъ память прошедшаго и благоденствіе настоящаго первымъ умилительнымъ движеніемъ нашихъ сердецъ, главною чертою сегодняшняго торжества!—Я считаю себя счастливымъ что могъ въ теченіи 25-ти лѣтъ, этаго важнаго отдѣла человѣческой жизни, быть посреди васъ, Милостивые Государи, орудіемъ двухъ Великихъ Монарховъ; считаю себя неописанно вознагражденнымъ за мое усердіе къ пользамъ Академіи сегодняшнимъ радушнымъ торжествомъ и вашею пріязнію."

Празднество заключилось обѣдомъ у Г. Вице-Президента Академіи, Князя *Михаила Александровича Дондукова-Корсакова*, при чемъ находились, кромѣ Членовъ Академіи, и Господа Министры, товарищи виновника торжества.



(Изъ С. П. б. Вѣд. 1843 г. № 15.)

